

Е.И. Кобахидзе

НАЧАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА В ОСЕТИИ: МЕЖДУ МИССИОНЕРСТВОМ И ПРОСВЕЩЕНИЕМ

В статье речь идет о начальной церковной школе в Осетии и ее функциях в контексте интегративной политики Российской империи на Центральном Кавказе. Интерес к данному образовательному институту обусловлен прежде всего тем, что начальная церковная школа, появление и деятельность которой оказались возможны исключительно благодаря инициативе духовного ведомства и его институтов, оставалась практически единственной доступной формой получения горским крестьянством элементарного образования. В то же время в ходе своей эволюции церковная школа в Осетии в полной мере отражала смену политических интересов и ориентации российского правительства в сфере народного просвещения, с одной стороны, и взглядов на кавказскую политику — с другой. Со времени своего появления церковная школа на Центральном Кавказе рассматривалась в первую очередь как инструмент для распространения идей российской государственности и «гражданственности» в местной «иноверной» среде, транслируемых посредством православия как государственной религии. Приоритетное в деятельности церковной школы миссионерское направление отодвигало на второй план решение собственно образовательных задач, что со временем привело к кризису самого института и потере им доминирующих позиций в региональной системе народного просвещения. Предлагаемая церковной школой программа перестала отвечать образовательным потребностям местного населения, в среде которого сформировался мощный социальный запрос на образование, а сама школа к 1917 г. оказалась в состоянии глубокого упадка, не справившись, по сути, с задачами просвещения народа.

Ключевые слова: начальное образование, церковная школа, миссионерство, Осетия, Общество восстановления православного христианства на Кавказе, образовательные реформы.

E.I. Kobakhidze

PRIMARY CHURCH SCHOOL IN OSSETIA: BETWEEN MISSIONARY AND EDUCATION

The article tells about primary church school in Ossetia and its functions in the context of the integrative policy of the Russian Empire in the Central Caucasus. The interest in this educational institution is primarily determined by the fact that the elementary church school that appeared and functioned due to the activities of the Holy Synod and its institutions, was practically the one available form of obtaining elementary education by the mountain peasantry. At the same time, the church school in Ossetia during its evolution fully reflected the change of political interests and orientations of the Russian government in the field of public education, on the one hand, and views on Caucasian politics, on the other. Since its beginning, the church school in the Central Caucasus has been viewed firstly as a means for spreading the ideas of Russian statehood and "citizenship" in the local "non-orthodox" environment, broadcast by Orthodoxy as a state religion. The missionary direction, which has a priority in the activities of the church school, overshadowed the solution of the educational tasks, which eventually led to the crisis of the institute itself and the loss of its dominant position in the regional public education system. The curriculum offered by the church school ceased to meet the educational needs of the local population, among which a powerful social demand for education was formed, and by 1917 the school itself was in a state of deep decline, unable actually to cope with the task of educating the people.

Keywords: primary education, church school, missionary, Ossetia, Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, educational reforms.

Первые шаги

Социокультурная мозаичность и этноконфессиональная пестрота российского социума, составляя уникальную особенность российской имперской государственности, ставили перед центральной властью особые задачи по поддержанию единства и целостности страны. Среди всего спектра стратегий, применяемых для этой цели, особо следует выделить образовательную составляющую, которая так же, как и другие аспекты объединительной политики государства, отличалась достаточной вариативностью, меняясь в зависимости от конкретного региона империи и определенного социально-политического контекста. Кроме того, образовательные институты, создаваемые на окраинах и выполняющие просветительские функции, становились и надежным проводником идей российской государственности в местной среде, играя таким образом важную роль в национальной и конфессиональной политике государства.

На Северном Кавказе, преимущественно мусульманском, образование тесно переплеталось с миссионерской деятельностью Русской православной церкви, которая, помимо пропаганды христианства, устраивала здесь церковные школы, где могли получать элементарное образование горские дети. Церковная школа стала основным каналом идеологического воздействия на местное население, будучи, в отличие от светской школы, ориентирована именно на миссионерские цели, воспитывая своих учеников в духе православной веры. Во внутренней политике Российской империи православие отводилась роль одного из ведущих интегрирующих факторов в силу его символической роли особого — сакрального — ядра. Образование «инородцев» в лоне православной религии становилось одной из насущных задач государства, подготавливая почву для «слияния» «инородческой» кавказской окраины с Россией не только в политико-административном, но и в социокультурном отношении.

Миссионерские задачи Русской православной церкви в наибольшей степени актуализировались на Центральном Кавказе.

Уже с середины XVIII в. специально созданная Осетинская духовная комиссия, ставшая центром русского православного миссионерства в крае, занялась открытой пропагандой христианства среди местных народов, из которых лишь осетины отчасти сохранили древнюю христианскую традицию, элементы которой прослеживаются в паттернах их традиционной этнорелигиозной системы (см., например: [Кцоева 2018]). Просветительская деятельность комиссии, открывавшей приходские школы на территории Осетии, существенно расширяла возможности идеологического воздействия на горцев, в среде которых началась подготовка местной элиты, лояльной центральной власти.

Именно приходская школа оказалась для основной массы горского населения региона единственной доступной формой получения образования. Для подготовки священнослужителей в кавказских приходах, преподающих Закон Божий в приходских школах, специально создавались местные духовные учебные заведения — Георгиевское приходское училище (1818), Владикавказское духовное училище (1836), Тифлисская семинария (1866). Будущие кавказские церковнослужители учились и в российских духовных учебных заведениях, например, в Екатеринославском и Воронежском духовных училищах, Московской духовной академии и пр. То обстоятельство, что все они обучались в русских учебных заведениях, усваивая не только догматы церкви, но и идеи российской государственности и законности, превращало их проповедническую деятельность в канал распространения этих идей в местной «иноверной» среде. На это прямо указывалось в «Правилах Владикавказского осетинского духовного училища», утвержденных экзархом Грузии при его открытии в 1836 г.: «В душах этих юных диких надобно возродить новый мир с христианскими понятиями о коренных обязанностях и отношениях к богу, к людям, к себе самим, ко всему обществу и к правительству Российскому и государю» [Материалы... 1942: 78].

Общество восстановления православного христианства на Кавказе

Однако деятельность по открытию церковных учебных заведений активизировалась на Северном Кавказе лишь начиная с 60-х годов XIX в., когда появились условия для включения практически «замыренного» края в российскую политико-административную систему и расширения поля миссионерской деятельности православной церкви и ее учреждений для противодействия мусульманскому духовенству на завершающем этапе Кавказской войны. Теперь основной задачей православного ведомства становилось проведение усиленной пропагандистской работы по распространению и упрочению христианства среди горцев. Для этого требовалась более действенная, чем Осетинская духовная комиссия, структура, которая могла бы успешно противостоять в идеологической борьбе с исламом. Эта функция была возложена на созданное по указу Александра II в июне 1860 г. Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ) [ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35897].

Одновременно с выполнением приоритетных миссионерских задач Общество обязывалось всячески содействовать распространению грамотности («православно-христианского образования») в округах Терской области. Деятельность ОВПХ регламентировалась «Правилами о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденными наместником в мае 1863 г. [Материалы... 1942: 116–123], согласно которым в качестве ведущей формы организации начального образования для детей горского крестьянства определялась приходская школа. Ее цель заключалась в воспитании горцев «в духе православной христианской веры и распространении необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений» [Там же: 116]. Под начало ОВПХ перешли все учебные заведения упраздненной Осетинской духовной комиссии, которых насчитывалось уже около десяти [НА СООГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 27–28]. Но все они не были достаточно обеспечены ни кадрами, ни финансами, и потому мало

соответствовали своему назначению — воспитывать горцев в духе христианства. Кроме того, изменившиеся установки правительства по отношению к кавказской начальной школе требовали иных подходов к ее организации и управлению.

Номинально находясь в ведении грузинского экзархата, церковные учреждения на Кавказе всегда соотносили свою активность по распространению грамотности среди горцев с кавказской политикой светских властей. Через светское учебное ведомство проходили и учебные программы приходских школ. Контроль со стороны высшей кавказской администрации усилился в отношении активности ОВПХ в сфере образования. Вплоть до ликвидации Кавказского наместничества в 1882 г. практическая деятельность Общества находилась в ведении самого наместника, что лишь подчеркивало государственное значение выполняемых Обществом задач. Только с 1885 г. оно оказалось окончательно вверено экзарху Грузии и передано в непосредственное подчинение Св. Синоду [ПСЗ-III. Т. V. № 2726]. Но даже после переподчинения церковно-приходские школы ОВПХ некоторое время были связаны с Кавказским учебным округом, оставаясь под надзором инспектора училищ ОВПХ — лица сугубо светского, назначаемого администрацией Кавказского учебного округа. Лишь в 1886 г., в русле всеобщей клерикализации образования, функции инспекции начальных школ духовного ведомства были окончательно переданы в ведение Св. Синода [ПСЗ-III. Т. VI. № 3686].

После окончания Кавказской войны на первый план выдвинулись задачи мирного развития Северного Кавказа, и школа «для народа» была объявлена «краеугольным камнем нравственного и материального благосостояния всего края» [Модзалевский 1880: 73]. От начальной школы, особенно создаваемой на национальной периферии, требовалось выполнение не столько просветительских, сколько социально-политических функций по формированию общероссийской идентичности у местного «инородческого» населения.

Однако на Северном Кавказе, несмотря на заинтересованность кавказской администрации в расширении сети начальных

школ, реальная работа по их устройству велась не Министерством народного просвещения (МНП), а институтом синодального ведомства — ОВПХ. Со дня своего основания именно Общество играло ведущую роль в ходе становления в Терской области начальной народной школы, предназначенной для беднейших слоев горского населения. При этом ОВПХ взяло на себя решение проблем, от которых устранялось государственное ведомство в лице МНП: основное внимание министерство сосредоточило на вопросах обеспечения школами детей служивших в крае офицеров и российских чиновников. Единственным казенным учебным заведением во Владикавказском округе (причем находившимся под началом не учебного ведомства, а военного, осуществлявшего общий надзор) долгое время оставалась Горская окружная школа во Владикавказе (1860), открытая для того, чтобы обеспечить образование детей из семей русских военных и гражданских чинов, а также местной социальной элиты. Впрочем, сходная тенденция отличала процесс создания «народной» школы и в центральных российских губерниях, поскольку еще в ходе обсуждения проблемы начального народного образования, имевшего место в особой комиссии о сельских школах при редакционных комиссиях по крестьянскому вопросу, было выработано решение предоставить духовенству «в первоначальной народной школе естественное законное первенство» [Исторический обзор 1902: 371]. Лишь на рубеже XIX–XX вв. приоритет Св. Синода в сфере народного образования стал предметом полемики в Государственном совете, по результатам которой в январе 1902 г. даже было вынесено конкретное решение: уравнивать права церковных школ и школ учебного ведомства и «в целях единства управления народным образованием» создать не только местные, но и центральные органы из представителей разных ведомств. Ober-прокурору Св. Синода и министрам народного просвещения и внутренних дел поручалось «сообразить вопрос об объединении деятельности этих ведомств в области народного обучения» [Там же: 721–722].

ОВПХ начало свою работу с подготовки широкого плана по устройству начальных приходских школ, которые предполагалось

открывать во всех горских приходах, где есть церковь; в зависимости от количества учеников школы должны были стать одноклассными с двухлетним курсом обучения и двухклассными — с четырехлетним.

Преподавать в приходскую школу назначались преимущественно священнослужители местного причта — выпускники Владикавказского духовного училища, однако по усмотрению Совета Общества учителями могли рекомендоваться и светские лица вне зависимости от звания и состояния [Материалы... 1942: 120] — как правило, ими были выпускники годичных курсов при Александровской учительской школе в Тифлисе и Владикавказского Ольгинского осетинского женского приюта.

Возложенные на ОВПХ обязательства превращали приходскую школу образца 1860-х годов в своеобразный центр пропаганды идей российской государственности в местной горской среде, основной «проводник твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни» [Там же: 123]. Вместе с тем приходская школа оказалась единственной доступной для беднейших слоев горского крестьянства формой получения начального образования. Уже к концу 1860-х годов в приходах Осетии благодаря усилиям ОВПХ действовало около 20 начальных школ (из них две — для девочек), которые посещали 393 ученика [Административная практика 2012: 316]. Увеличение численности учащихся приходских школ Владикавказского округа почти вдвое к 1 января 1873 г. (при сокращении количества самих школ до 16) [Материалы... 1942: 131–133] красноречиво говорило об интересе, проявляемом к образованию местным населением, быстро осознавшим его практическую пользу. Владеющий грамотой горский крестьянин имел неплохие шансы на повышение собственного социального статуса и общественного веса, заняв одну из должностей в сельской администрации либо став учителем или церковнослужителем. Кроме того, сельчан привлекали к приходской школе и льготы, обеспечивающие ее выпускникам возможность продолжения образования в средних учебных заведениях духовного ведомства Кавказского учебного округа.

Церковная школа в образовательных реформах 1870–1880-х годов

Начальная церковная школа в Осетии развивалась соответственно изменениям правительственной образовательной политики, в которой, с одной стороны, усиливались централистские тенденции, а с другой — повышалась значимость воспитания в лоне православия. Наиболее ощутимо эта установка была выражена в отношении начальной школы, занявшей место низового звена унифицированной системы народного просвещения, сформированной в стране в ходе образовательных реформ МНП 1870-х годов. В «Положении о начальных народных училищах» 1874 г. была обозначена главная цель учебных заведений низшего уровня — «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53574: 834]. С одной стороны, нововведения должны были ускорить интеграцию начальных уровней образования в общегосударственную образовательную систему. С другой стороны, начальная школа, особенно на национальной периферии, призвана была способствовать распространению идей российской государственности и «гражданственности» среди инородческого населения посредством православия.

В Терской области распространением начального образования по-прежнему занималось не МНП, а институт духовного ведомства — ОВПХ, которое через приходскую школу реализовывало прежде всего миссионерские цели.

Политическое содержание реформы начальной школы понималось и кавказской администрацией. В первом же параграфе «Правил начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденных наместником в декабре 1874 г., декларировалось, что приходские школы ведомства ОВПХ «имеют целью: сообщение детям горских семейств религиозных и нравственных понятий, а также распространение русского языка и первоначальных полезных знаний» [Материалы... 1942: 132]. Введение в учебную программу

приходской школы русского языка как отдельного предмета начиная со второго полугодия первого года обучения и обязательность преподавания всех школьных дисциплин на русском языке со второго года подчеркивали политическую составляющую государственной образовательной политики, главная цель которой заключалась в достижении культурно-языкового единства в широком общеимперском пространстве.

Изменились и требования к учительскому составу приходских школ. Теперь, согласно новым Правилам, преподавать в них могли только люди с профильным образованием, то есть выпускники учительских семинарий и институтов [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 13–21], на которых возлагалась моральная ответственность за «нравственное» состояние не только самих учеников, но и их родителей.

Учебная программа приходских школ была довольно скромной. Помимо знакомства с основами православия, ученики осваивали ряд предметов общеобразовательного цикла и некоторые ремесла. Среди учебных дисциплин значились: «...русский язык, туземные языки, арифметика с началами геометрии, мироведение с начатками естествоведения, географии и истории, письмо, черчение, пение светское и церковное, гимнастика, садовые работы, рукоделья (женские школы) или ремесла (мужские школы)» [Там же. Л. 5]. В отдельных приходских школах Осетии применялась методика совместного обучения осетинских детей с русскими: окружная администрация считала, что подобная практика могла помочь местным детям скорее освоить русский язык и таким образом постепенно подготовить население к «слиянию в один русский народ» [Там же. Л. 24–25].

Влияние церкви на начальную школу для основного населения империи значительно расширилось после проведения очередного цикла реформ в начале 1880-х годов, когда в стране резко изменились общий политический курс и официальная идеология. Всеобщая клерикализация образования, подразумевающая искоренение из учебных заведений «крамолы» и «вольномыслия» путем усиления религиозно-воспитательной составляющей образовательного процесса с целью укрепления

в учащихся любви и уважения к Русской православной церкви, ее уставам и обрядам, в первую очередь отразилась на начальной школе. В новом идеологическом контексте ее роль как главного инструмента религиозно-патриотического воспитания широких народных масс заметно возрастала.

Начальная церковная школа стала именоваться церковно-приходской, что подчеркивало ее принадлежность православной церкви, получившей практически неограниченные полномочия в осуществлении контроля над деятельностью этого образовательного института.

Скорее воспитательное, чем собственно образовательное предназначение начальной церковной школы закрепляли «Правила о церковно-приходских школах» 1884 г. [ПСЗ-III. Т. IV. № 2318]. Обеспечивать должное воспитание юношества в церковно-приходских школах доверялось теперь в основном лицам духовного звания — местным священникам или другим членам причта; кроме них, епархиальный училищный совет мог назначать в школу выпускников духовных учебных заведений. Разрешалось преподавать и светским лицам, имеющим звание учителя начального народного училища. Во главе школы стоял приходской или благочинный священник. Св. Синод осуществлял высшее управление всеми церковно-приходскими школами во всех епархиях Российской империи (за исключением Рижской и Финляндской) и распоряжался средствами на их содержание. Настоятельная рекомендация МНП «оказывать полное содействие православному духовенству к открытию и поддержанию церковно-приходских школ», данная администрациям учебных округов, аргументировалась тем, что «только ближайшее и деятельное участие духовенства в деле народного образования может придать последнему тот глубоко религиозный характер, который так необходим и дорог русскому народу» [Сборник распоряжений 1889: 197].

Обучение в школе предполагало изучение прежде всего дисциплин, которые знакомили учеников с догматами церкви, а также освоение элементарного курса грамматики и арифметики; в двухклассных школах давались еще и начальные сведения

«из истории Церкви и Отечества». Кроме того, при школе могли открываться дополнительные классы для изучения школьных дисциплин и специальные ремесленные и рукодельные отделения.

Расширение влияния Св. Синода в сфере начального образования привело к передаче в духовное ведомство всех церковно-приходских школ, в том числе и тех, которые находились в управлении светской учебной администрации. На Кавказе такими учебными заведениями были школы ведения ОВПХ. Статус и функции самого Общества также были пересмотрены. Прежняя обособленность Общества от Св. Синода была ликвидирована, и из ведения светских властей на Кавказе оно перешло в подчинение духовной власти — под управление экзарха Грузии, который объявлялся председателем Общества и возглавлял его Совет. Однако светская администрация от участия в делах Общества окончательно не устранялась, так как вице-председатель Совета ОВПХ назначался главноуправляющим на Кавказе — высшим должностным лицом в регионе.

В феврале 1885 г. вступил в силу новый устав ОВПХ. Теперь приоритетной задачей Общества объявлялась миссионерская деятельность [ПСЗ-III. Т. V. № 2726]. Этой же цели подчинялась и практика организации начальной церковной школы, которой Общество продолжало активно заниматься. К подведомственным ОВПХ церковно-приходским школам должны были применяться соответствующие Правила 1884 г. Учебные программы готовились и утверждались Училищным советом, специально созданным при Св. Синоде.

Духовная семинария

Конфессиональная неоднородность населения Терской области выдвигала на первый план решение миссионерских задач православной церкви. То обстоятельство, что во Владикавказской епархии насчитывалось более 300 тыс. православных и более 400 тыс. «иноверцев и мусульман», привело Св. Синод к необходимости предоставить епархии самостоятельность, выделив ее

из Грузинского экзархата и присоединив к ней Дагестанскую область [ПСЗ-III. Т. XIV. № 10970].

Подготовка миссионеров для служения на «инородческой» кавказской окраине стала отдельным направлением в образовательной деятельности Русской православной церкви в Осетии. В осетинские приходы и школы при них требовались подготовленные священники, желательно происходившие из местной среды. Для пополнения числа священнослужителей и учителей церковно-приходских школ Осетии, находившихся в ведении ОВПХ, было создано специальное учебное заведение — Александровское осетинское духовное училище в Ардоне, преобразованное в Александровскую миссионерскую духовную семинарию.

В Осетии проблема комплектования церковно-приходских школ учительскими кадрами всегда оставалась острой, поскольку учебных заведений, которые готовили бы учителей для начальной школы, не хватало и число их выпускников не покрывало дефицита в учителях приходских школ. По представлению Совета ОВПХ указом Св. Синода в марте 1887 г. в осетинском селении Ардон было открыто миссионерское духовное училище, специально предназначенное для подготовки священнослужителей и учителей церковно-приходских школ Осетии, находившихся в ведении ОВПХ, из представителей местного населения, хорошо знакомых с условиями «сурового и тяжелого строя жизни осетин» [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71. Л. 36]. В училище могли приниматься и дети «магометанского исповедания Северной и Южной Осетии, обнаруживающие любовь к христианству, с целью привлечения их к оному» [Материалы... 1942: 247].

Учебный курс в Ардонском Александровском осетинском духовном училище был трехклассным с двухлетним прохождением каждого класса. Помимо богословских дисциплин, которым уделялось основное внимание, ученикам давались начальные сведения по истории, географии, точным наукам. При изучении всеобщей истории акцент делался на сюжетах, касающихся мусульманства. Особое место в учебном процессе занимало изучение осетинского языка, поскольку главная цель училища заклю-

чалась в подготовке воспитанников «к успешному прохождению священной обязанности служителя алтаря и проповедника слова божия на осетинском языке» [Материалы... 1942: 244].

Однако училище не оправдало надежд, которые на него возлагались: за без малого десятилетний период своего существования оно выпустило всего 39 человек, и только пятеро из них стали священниками [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 10]. Остальные выпускники предпочли продолжить образование либо посвятить себя светскому поприщу. Вопрос о замещении священнослужительских и учительских мест в церковно-приходских школах Осетии оставался по-прежнему открытым.

Поэтому в 1895/96 учебном году указом Св. Синода, высочайше утвержденным в августе 1895 г., училище было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию, предназначенную именно для того, чтобы готовить своих воспитанников к занятию учительских должностей в осетинских церковно-приходских школах и обеспечить приходы Владикавказской епархии и Южной Осетии священнослужителями [ПСЗ-III. Т. XV. № 11999]. Особо подчеркивалось, что семинария имеет миссионерский характер и создается «в целях приготовления достойных пастырей церкви в Осетинские приходы и сведущих миссионеров для проповеди слова Божия среди иноверного населения Кавказских гор и для устранения тех неудобств в учебно-воспитательном отношении, какие неизбежны при трехклассном устройстве учебного заведения с двухгодичными курсами» [Всеподданнейший отчет... 1898: 321].

Семинария предназначалась преимущественно для абитуриентов из Осетии, окончивших осетинскую церковно-приходскую школу или духовное училище, но в нее могли попасть юноши и из других кавказских регионов, в том числе неправославного исповедания. К примеру, в 1898 г. среди воспитанников семинарии было шесть мусульман [Отчет Общества восстановления... 1903: 298]. Для таких кандидатов при семинарии действовала подготовительная школа и выделялось 15 стипендий по 60 руб. каждая. Обучение в семинарии было платным, но для самых необеспеченных учеников, отличившихся во время учебы в цер-

ковно-приходской школе, Св. Синодом и Советом ОВПХ в равных долях субсидировались казенные вакансии, на которые определялось по шесть человек «из русских» и «из туземцев». Чтобы привлечь в семинарию как можно больше горцев, ОВПХ в 1900 г. ходатайствовало перед Синодом о передаче в распоряжение Совета Общества 15 казеннокоштных стипендий. Они предназначались для наиболее способных выпускников церковно-приходских школ ОВПХ, «по преимуществу детей горских народов — хевсур, пшавов, тушин, сванов, абхазцев и др., не исключая и детей священнослужителей горских приходов...» [Там же: 317, 318].

По объему и продолжительности (шесть классов по одному году в каждом) учебная программа семинарии приближалась к гимназической. Учебный план включал 22 предмета, среди которых, помимо богослужбных, значились история (всеобщая и русская), педагогика, дидактика с основами психологии и логики, дисциплины математического цикла, русский и осетинский языки (причем осетинский язык и проповедь на нем изучались всеми учениками вне зависимости от национальной принадлежности), пение. В качестве предмета «миссионерского» изучались основы ислама для ведения «противомусульманской полемики». Среди учебных дисциплин числились также краткий курс анатомии и физиологии (изучаемый еще лишь в Рижской и Витебской семинариях) и, как предмет обязательный, гигиена (ее проходили только в 8 других духовных семинариях).

Учителя семинарии, ведущие светские дисциплины, были высокообразованными, среди них были даже выпускники Казанского университета (см. подробнее: [Там же: 287–297]).

Вместе с тем статус семинарии как миссионерской (единственной в своем роде среди 58 духовных семинарий в Российской империи) предполагал ошутимое по сравнению с нормальными семинариями и светскими гимназиями сокращение учебной программы за счет предметов общеобразовательного цикла и исключение из нее иностранных языков, в том числе латинского и древнегреческого. При всей обширности учебная программа Александровской миссионерской семинарии не соответствовала

среднему духовному образованию и не давала выпускникам возможности продолжить обучение в высших учебных заведениях, ее воспитанники могли поступить лишь в Казанскую духовную академию и Юрьевский ветеринарный институт.

Однако семинария стремилась соответствовать прежде всего своему миссионерскому назначению. Тот факт, что Александровская миссионерская семинария в Осетии была одной из 14 «инородческих» семинарий синодального ведомства, на которые возлагалась особая миссия на «иноверных» окраинах, объяснял отсутствие в ее учебном плане таких специальных богословских дисциплин, как, например, изъяснение Св. Писания Ветхого Завета, история и обличение русского раскола, обличительное богословие, а также алгебры, логики, психологии и древних языков, включенных в качестве обязательных в программы нормальных духовных семинарий, и то особое внимание, которое уделялось в учебном процессе изучению осетинского языка и основ ислама.

Осетинский язык значился в числе «миссионерских» дисциплин и являлся обязательным (преподаваемым сверх учебной программы) предметом для всех воспитанников. Занятия по осетинскому языку с учениками (русскими, грузинами и «вообще не-осетинами») начинались с 3–4-го класса и заключались в чтении осетинского Евангелия, которое, как считалось, при надлежащем старании могло помочь в освоении осетинской разговорной речи. Для семинаристов-осетин преподавание языка начиналось с 1-го класса: сначала с чтения букваря и выучивания некоторых молитв, а с 3-го класса — богослужебных книг и стихов осетинских поэтов. Чтение дополнялось «поучениями на разные случаи и между прочим по поводу некоторых обычаев и ненормальных явлений, сохранившихся у осетин от времен язычества» [Всепопданнейший отчет... 1910: 192–193]. В старших классах воспитанники уже практиковались в самостоятельном составлении и произнесении проповеди на осетинском языке.

Вместе с тем нацеленность семинарии на подготовку учеников исключительно для службы в осетинских приходах и преподавания в церковно-приходских школах Осетии ограничивала

выпускников в их праве на карьерные перспективы, поскольку учащиеся не получали полноценного среднего богословского образования. Все это вызывало недовольство как в самой ученической среде, так и в обществе, усилившееся на фоне общих волнений 1905–1907 гг. В сентябре 1908 г. Ардонская Александровская миссионерская духовная семинария наконец была преобразована в обычную духовную семинарию [ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 31032], что повысило ее статус до уровня среднего (как и гимназия) учебного заведения.

Даже став нормальной, семинария не должна была утратить своего миссионерского характера, поэтому из ее программы не был исключен осетинский язык — его преподавание оставалось по-прежнему желательным, но уже в качестве дисциплины, не обязательной для всех учеников. В этих же целях сохранялся и такой «миссионерский» предмет, как «противомусульманская полемика» [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 6].

Вскоре порядок прохождения «миссионерских» дисциплин (в том числе и осетинского языка) был уточнен: история ислама изучалась в 5-м классе, а обличение ислама — в 6-м. Осетинский язык преподавался в первых четырех классах для желающих воспитанников, а в 5-м и 6-м являлся обязательным для осетин. В то же время осетины освобождались от изучения иностранных языков (древних и новых), однако для получения всех прав окончивших духовную семинарию они должны были сдать экзамен по греческому языку [Материалы... 1942: 259].

Расширение общеобразовательного предметного цикла позволяло воспитанникам покинуть семинарию после 4-го класса (когда заканчивалось изучение общеобразовательных дисциплин) и поступить в другие учебные заведения, в том числе светские.

Со времени появления духовная семинария в Ардоне как относительно доступное для горцев учебное заведение, приближенное к училищам среднего звена, оказалась востребована населением Осетии и Терской области в целом. Но из-за нехватки имеющихся у ОВПХ средств на содержание семинарии она не могла принять всех желающих — число воспитанников не пре-

вышло полутора сотен, и ежегодно выпускалось не более 15 учеников [Там же: 162, 164]. Более того, задачи, поставленные перед семинарией при ее открытии, так и остались нерешенными — учителей в церковно-приходских школах Осетии по-прежнему не хватало, как, впрочем, и самих школ.

Вызовы начала XX века

Распространением начальной грамотности среди горцев продолжало заниматься ОВПХ. В 1886–1894 гг. под его началом находилось от 15 до 21 церковно-приходской школы, где преподавались основы православия, русский язык, арифметика, осетинский язык, во многих школах — география, русская гражданская история и церковное пение; в некоторых школах в учебный курс вводилось церковно-славянское чтение [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6].

К концу XIX в. в Осетии спрос на школьное образование значительно вырос. В условиях новой социальной реальности образование воспринималось в качестве одного из наиболее действенных средств социализации в общеимперском пространстве, обеспечивающих относительно безболезненную адаптацию к изменившейся социальной среде. Ни сложности материального плана, ни ограниченность учебного курса, предлагаемого церковной школой, не останавливали людей в их тяге к освоению грамотности. Ввиду недостаточности средств у местных епархиальных властей сами сельские общества брали на себя обязательства по содержанию школ и учителей, обеспечивая их жалованьем и в складчину приобретая самое необходимое для обучения своих детей. «Сельские общества, при всей своей нередко крайней бедности, сами на свой счет без всяких пожертвований и помощи со стороны строят удобные помещения для школы и учителей, дают отопление и ремонт всему помещению, дают жалованье по 300 руб. в год учителям и потом внимательно относятся ко всему школьному делу, — писал наблюдатель над церковно-приходскими школами Осетии К. Токаев. — Сами просят и молят, чтобы открыли у них хотя бы какую-нибудь

школу, и каких нередко трудов стоит горцам построить школьное здание, по пешеходной тропинке приходится перевозить волоком или на своих плечах перетаскивать всякое бревнышко через горы и скалы издалека. И они при всех этих трудностях стараются устроить у себя школы, гораздо более ревнуя о школьном просвещении, чем соседи их, русские казаки, живущие в гораздо более выгодных условиях...» [Материалы... 1942: 163–164].

Взросший интерес горцев к образованию сказывался и на численности учащихся в осетинских церковно-приходских школах. В большинстве из них количество учеников значительно превышало норму (в среднем 40 учеников в церковно-приходских школах России) и доходило до ста и более человек. В то же время эта тенденция отличала плоскостные селения Осетии, обеспеченные церковными школами в достаточном количестве. Горцам же приходилось довольствоваться единичными учебными заведениями либо не иметь их вовсе. Преследуя миссионерские цели, духовное ведомство не слишком заботилось о распространении грамотности в горах, а Ардонское отделение епархиального училищного совета, обращая внимание на развитие плоскостных школ, почти игнорировало просветительские запросы горной Осетии. Жители горных поселков зачастую получали отказ в ответ на прошение об устройстве у них церковно-приходской школы, который мотивировался как отсутствием средств, так и «дальностью расстояния и крайним неудобством сообщения» [Там же: 183].

В действительности ни у ОВПХ, ни у Владикавказской епархии не было достаточных средств не только на развитие сети начальных церковных школ, но и на поддержку уже существующих. Поэтому задачи миссионерской пропаганды в крае на рубеже XIX–XX вв. существенно усложнились. Но причиной этому послужило не столько недостаточное число церковных школ, сколько в большей степени активизация деятельности МНП в стране в целом и на Кавказе в частности, последовавшая после правительственных распоряжений о казенных вливаниях в народное образование [Исторический обзор 1902: 653].

Живую заинтересованность в устройстве начальной школы стало проявлять и местное население, не особо при этом разбираясь, к какому именно ведомству должна относиться школа в их селе — духовному или учебному. И церковно-приходская школа, и начальные училища МНП не слишком различались по учебной программе, больше напоминая элементарные школы грамоты, однако доступность этих учебных заведений оправдывала скудость получаемого в них образования. Людям по большому счету было все равно, в какую школу отдавать своих детей, лишь бы они получили хоть какое-нибудь образование. Стремление жителей осетинских сел к устройству школ и готовность поддерживать их всем необходимым поощрялось и окружной администрацией, и церковными властями, весьма обеспокоенными тем, что при почти полной безграмотности местного населения здесь «начинает свивать широкое гнездо» мусульманство [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 1].

Понимая утилитарный интерес местного населения к школе и исходя из того, что «народная школа, приспособленная к характеру и потребностям населения, является одним из могущественнейших орудий культуры и водворения гражданственности» [Всеподданнейший отчет... 1894: 58], администрация Терской области всячески поддерживала этот интерес и способствовала открытию новых школ. Однако протекцией областного начальства пользовались все же школы не церковно-приходские, а так называемые «министерские», то есть школы, устраиваемые за казенный счет и находившиеся в ведении МНП.

Духовному ведомству приходилось отстаивать приоритет своей школы, ссылаясь прежде всего на важность ее миссионерского предназначения. «Если церковная школа имеет просветительское значение среди русских, то среди туземцев — это миссионерский стан, откуда единственно, можно сказать, распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле — единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русской речью и влияние на улучшение нравов, — писали в 1898 г. в Училищный совет при Св. Синоде из Ардонского отделения Владикавказского

епархиального училищного совета. — Открытие министерских школ в Осетии прямо не желательно, ибо таковые школы обещают насадить прямо рационализм, далекий от христианского влияния, что имеет благоприятную почву у осетин и отчасти готовые семена от лиц, получивших образование в светских учебных заведениях... министерская школа в Осетии будет парализовать миссионерское дело» [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 29–30]. Поэтому, как считали в Ардонском отделении, «никакую другую, как строго церковную [школу] нужно насаждать в Осетии... И учителя поэтому здесь должны быть со строго церковным образованием и настроением» [Материалы... 1942: 164].

Однако очень скоро жители осетинских плоскостных селений «охладели к церковным школам», с чем вынужденно соглашался наблюдатель церковно-приходских школ Осетии. По его мнению, несмотря на то что церковное начальство «строго оберегало Осетию от вторжения Министерства народного просвещения», миссионерское значение церковных школ постепенно сошло на нет, и сами церковные школы вместе с миссионерской семинарией стали служить только «просветительно-образовательной цели», не давая народу «ни гражданского, ни религиозного воспитания» [Там же: 186]. Кроме того, число выпускников церковно-приходских школ из года в год оставалось крайне низким, что, по мнению епархиальной учебной администрации, свидетельствовало о «непроизводительности» школ.

При поддержке областной администрации повсеместно в Осетии стали появляться министерские школы, причем даже в тех селениях, где уже имелась школа ОВПХ, причем об их открытии все чаще просили сами сельчане. Общественные приговоры о постройке училищ МНП в осетинских селениях выносились уже десятками. Аргументировалось это желание главным образом тем, что если церковно-приходская школа была сосредоточена на обучении грамоте, то учебная программа министерской школы давала возможность ее выпускникам продолжить образование в учебных заведениях высшего разряда, что более соответствовало возросшим образовательным запросам местного населения [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 55–56].

И эти запросы приходилось хотя бы отчасти удовлетворять. С 1904 по 1911 г. в Осетии открылись восемь двухклассных училищ МНП, в целом к 1 января 1913 г. в ведении Терской дирекции народных училищ на территории Владикавказского округа действовали 13 министерских школ, расположенных в основном в селах с преимущественно мусульманским населением [Там же. Д. 18. Л. 1]. Здесь начальные училища МНП становились альтернативой примечетским мусульманским школам. Осетинскими селами с мусульманским населением были Лескен, Хазнидон, Чикола, Беслан, Ногкау, Зильги, Брут, Заманкул, Карджин, Эльхотово. Начальное образование здесь дети получали в примечетских школах. Однако не во всех мусульманских селах Осетии имелись свои мечети. Там же, где они существовали (например, в Чиколе, Эльхотово, Зильги, Беслане, городе Владикавказе), действовали примечетские школы смешанного типа, которые совмещали в себе мектебе и медресе. К примеру, в селе Вольно-Магометановском действовали четыре мечети, при которых детей обучали Корану. Эти школы были единственной возможностью для получения элементарного образования. Некоторые исследователи полагают, что «мусульманская и православная школа в комплексе оказали положительное влияние на состояние общей образованности населения Осетии» [Емельянова 2003: 175]. Однако, не умаляя значимости мусульманских школ в распространении начальной грамотности во Владикавказском округе в целом, отметим все же, что в Осетии они не оказали существенного влияния на развитие системы народного просвещения, находясь за ее рамками, и не слишком способствовали повышению уровня грамотности населения, будучи ориентированы все же не на общеобразовательные, а преимущественно на религиозные цели — знакомство детей с основами ислама.

В результате в первом десятилетии XX в. «министерские» начальные училища составляли уже серьезную конкуренцию церковно-приходским школам, находясь в чуть более выигрышном положении как в материально-техническом, так и в кадровом отношении, поскольку устраивались они за казенный счет,

а преподавать в них назначались люди с педагогическим образованием.

Общая обстановка в стране накануне революционных преобразований также не лучшим образом сказывалась на церковной школе. Под влиянием социалистических идей учительство церковно-приходских школ Северной Осетии выступило с Петицией, поданной в сентябре 1905 г. главе Владикавказской епархии епископу Владикавказскому и Моздокскому Гедeonу, в которой формулировались требования перестройки начального образования. В числе выдвинутых требований значились: переименование церковно-приходских школ Осетии в «народные школы», значительное сокращение программы по Закону Божьему, исключение из числа школьных предметов церковно-славянского языка, включение в учебный курс родного языка как обязательного предмета, расширение программ по общеобразовательным дисциплинам, введение выборного начала в управлении школами и улучшение материально-правового положения учительства [Материалы... 1942: 175–176].

Развитие церковной школы в Осетии тормозилось не только из-за ее плачевного материально-технического положения, при котором финансирование школ практически полностью осуществлялось из местных источников (в основном это были средства ОВПХ и общественные суммы сельских обществ, частично — самого синодального ведомства). Окружной наблюдатель по этому поводу с сожалением констатировал: «...материальные условия здесь неблагоприятные, народ (жители) несостоятельный и воздвигать школьные здания на свой счет не найдет в себе ни сил, ни средств <...> Рассчитывать на местные средства нет никакой возможности. Их нет. Если же где и есть, то это средства непостоянные — пожертвования, добываются они с большим трудом и немалыми скорбями» [Там же: 229–232]. Главной оставалась хроническая проблема обеспечения церковной школы преподавательскими кадрами. По признанию Владикавказского епархиального училищного совета, при осознании всей «необходимости, пользы и целесообразности» мер по обеспечению школ Осетии «надлежаще

подготовленными постоянными учащими лицами», совет выполнить их не в состоянии ввиду того, что «данной цели существующие в епархии учебные заведения не отвечают — Духовная семинария дала очень мало желающих посвятить себя учительскому делу, а женское Епархиальное училище, за отсутствием при нем педагогического класса и образцовой школы, затем Осетинский женский приют, как учебное заведение, по учебным планам не превышающее двухклассную школу, выпускают воспитанниц, как показывает опыт, далеко недостаточно подготовленных к педагогической деятельности...» [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 19].

На фоне катастрофической нехватки подготовленных должным образом учителей церковно-приходских школ даже те, кто уже там работал, стремились перейти на службу в школу ведомства МНП. Учителей привлекало к ним то, что «обучение в училищах дирекции (Терской дирекции народных училищ. — Е.К.) идет в соответствии с современным течением педагогической мысли, что тут применяются методы и приемы преподавания, соответствующие последнему слову педагогической науки» [Там же. Д. 20. Л. 1].

И несмотря на некоторое увеличение количества церковно-приходских школ во втором десятилетии XX в. (с 53 в 1912 г. до 62 в 1917 г. [Материалы... 1942: 200, 229]), в них обучалось всего 5130 человек (в том числе и учащиеся владикавказских начальных учебных заведений духовного ведомства), из которых лишь 444 ученика считались окончившими полный курс [Там же: 225–228].

Становилось очевидно, что начальная церковная школа в Осетии не могла справиться с задачами просвещения, а предлагаемое ею образование «в духе Православной веры и Церкви» [ПСЗ-III. Т. XXII, ч. 1. № 21290: 207] перестало отвечать возросшим образовательным потребностям горского населения. «Осетинскими церковно-приходскими школами недовольны учащиеся в них дети, их родители, учителя, школьная инспекция, местная администрация, епархиальное и даже центральное церковно-школьное управление», — констатировал в своем док-

ладе епархиальный наблюдатель [НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 15]. К 1917 г. церковно-приходская школа с ее миссионерской спецификой переживала глубокий кризис.

Чтобы вывести ее из состояния упадка, Первый Всеосетинский учительский съезд, состоявшийся во Владикавказе в июле 1917 г., предложил все церковно-приходские школы Осетии преобразовать в общеобразовательные и передать управление ими в специально созданный Северо-Осетинский училищный совет [Там же. Д. 142. Л. 18]. Однако епархиальное начальство, все еще пытаясь отстоять свои позиции в сфере начального образования, не признало это требование легитимным. Осетинские церковно-приходские школы продолжали оставаться под началом епархиального училищного совета вплоть до их ликвидации в декабре 1917 г., последовавшей после принятия соответствующего Постановления СНК «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению».

Таким образом, начальная церковная школа в Осетии создавалась и использовалась в первую очередь для распространения идей православия в местной среде. Имея достаточно скудный образовательный потенциал, церковная школа стала площадкой для реализации миссионерских целей Русской православной церкви как неотъемлемой части государственной конфессиональной политики на северокавказской окраине. Несмотря на попытки духовного ведомства удержать ведущие позиции в сфере начального образования, в начале XX в. церковная школа в Осетии уступила приоритет школе светской, не выполнив по сути своих просветительских задач. В то же время, будучи фактически единственной доступной формой получения элементарного образования беднейшими слоями горского крестьянства, церковная школа сыграла заметную роль в формировании образовательного пространства Осетии, население которой со временем осознало собственные образовательные потребности, оформившиеся в мощный социальный запрос.

Источники

- Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): сборник документов. Владикавказ, 2012.
- Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ, 1894.
- Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб., 1898.
- Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910.
- Материалы по истории осетинского народа: сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942.
- Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 7.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74.
- НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142.
- Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880–1901. Тифлис, 1903.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35897.
- ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53574.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗ-III). Т. IV. № 2318.
- ПСЗ-III. Т. V. № 2726.
- ПСЗ-III. Т. VI. № 3686.
- ПСЗ-III. Т. XIV. № 10970.

ПСЗ-III. Т. XV. № 11999.

ПСЗ-III. Т. XXII. Ч. 1. № 21290.

ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 31032.

Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Четвертое пятилетие. 1882–1886. Тифлис, 1889.

Библиография

Емельянова Н. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: ИВРАН-РИК, 2003. 360 с.

Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб.: Мин-во нар. просвещения, 1902. 840 с.

Кцова С.Г. «Сошествие во ад» vs «Легенда о Великом Госте»: христианский догмат в этнорелигиозной системе осетин // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 28 (67). С. 19–32.

Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3–96.